

АКАДЕМИК
П. В. ВОЛОБУЕВ

Неопубликованные
работы

Воспоминания

Статьи

«НАУКА»

2000-5

32802

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ,
ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

АКАДЕМИК П. В. ВОЛОБУЕВ

Неопубликованные
работы
Воспоминания
Статьи

Ответственный редактор
академик Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ

МОСКВА «НАУКА» 2000

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
Часть I. Творческий путь	7
Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым	7
<i>Телицын В.Л.</i> Творческий путь академика П.В. Волобуева	45
Библиография научных трудов П.В. Волобуева	52
Часть II. П.В. Волобуев: из неопубликованного	75
По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года	75
Необъективная критика (письмо в редакцию)	77
Наука и техника в дореволюционной России (конец XIX века – 1917 год) .	93
Научные общества и съезды в конце XIX века	133
Предисловие к сборнику статей “Октябрьская революция. Современный этап изучения”	152
Октябрьская революция и независимость Финляндии (письмо в редакцию газеты “Известия”)	155
К вопросу об альтернативности исторического развития России в 1917 году (о крахе реформистской альтернативы Октябрьской революции)	158
Гражданская война в зеркале истории	165
Часть III. Вспоминая Павла Васильевича	170
<i>Рогачевская Л.С.</i> О друзьях-товарищах	170
<i>Гаджиев В.Г.</i> L’Amite amoureuse	184
<i>Лейберов И.П.</i> Слово о друге и наставнике	191
<i>Китанина Т.М.</i> Несколько слов о Павле Васильевиче Волобуеве.....	198
<i>Павленко Н.И.</i> Воспоминания о друге	202
<i>Селицкий В.И.</i> Рыцарь науки	209
<i>Живанов С.</i> Мы будем вечно ему благодарны	215
<i>Потолов С.И.</i> Вспоминая Павла Васильевича	219
<i>Булдаков В.П., Тютюкин С.В.</i> Феномен академика Волобуева	223

Часть IV. Научный совет продолжает работу	229
<i>Журавлев В.В.</i> Год 1917-й в контексте исторических традиций России	229
<i>Булдаков В.П.</i> “Другая” революция: пути и возможности переосмысления Октября	238
<i>Бухараев В.М.</i> Провинциальный обыватель перед лицом революции (на материалах Казанской губернии)	265
<i>Леонтьева Т.Г.</i> Духовенство и сельский мир. 1905–1922	279
<i>Ильюхов А.А.</i> Люмпенизация населения в российской провинции в 1917 году. К вопросу об особенностях общественного сознания и классово-вой борьбы	300
<i>Урилов И.Х.</i> 1917 год в письмах и воспоминаниях меньшевиков (проблема подлинности и достоверности источников)	316
<i>Ямщиков С.В.</i> Социальная психология солдат тыловых гарнизонов русской армии накануне 1917 года и в первые месяцы после свержения самодержавия (на материалах Тверской губернии)	336
<i>Телицын В.Л.</i> Русская революция 1917 года: деревня против города или перманентная война	347
<i>Икэда Ё.</i> Феномен советского бюрократизма в годы гражданской войны ..	356
<i>Рейли Д.</i> Взаимоотношения центра и периферии в годы гражданской войны в России: взлет и падение “Саратовской республики”	364
<i>Верецагин А.С.</i> Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания	389
<i>Михайлов И.В.</i> Белое дело: зигзаги, тупики и перспективы историографического осмысления	397
<i>Дубровская Е.Ю.</i> Быт и формирование “новых ценностей” в армейской и флотской среде в годы военного коммунизма в Карелии	412
<i>Исхаков С.М.</i> Национально-революционное движение в Центральной Азии (1917–1918): позиция М. Чокаева	426
<i>Баранов А.В.</i> Повстанческое движение кубанских казаков на завершающем этапе гражданской войны. 1921–1922	443
<i>Бутаков Я.А.</i> На пути к “южнорусской власти”: из истории белого дела ...	451
<i>Орлов И.Б.</i> Государство человеку – волк?: власть в массовом сознании периода Октябрьской революции и гражданской войны	470
<i>Кулешова Н.Ю.</i> Большевики – торжество тоталитарной идеологии?	483
<i>Марквик Р. П.В.</i> Волобуев и историки “нового направления”	495

И.Х. Урилов

1917 ГОД В ПИСЬМАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ МЕНЬШЕВИКОВ

(проблема подлинности и достоверности источников)

История российских революций 1917 г., их причин и последствий были основной темой научных исследований П.В. Волобуева. Как большинство историков его поколения, он прошел мучительный путь эволюции взглядов на происшедшее в 1917 г. в России. Но это было не разочарование в необходимости революционных преобразований в России, а скорее переход от восторженного почитания, особенно Октябрьской революции, до более критичного отношения к тому, что тогда случилось в стране. В своем последнем интервью в редакции журнала «Отечественная история» и опубликованной уже после его кончины автобиографической статье П.В. Волобуев сообщил о выводах, к которым он пришел в последнее время. Среди них отметим два: одной из причин революции в России была не зрелость, а наоборот, отсталость страны; революции, с позиций марксизма, являются «праздником угнетенных и эксплуатируемых», но на этот праздник они без крайней необходимости почему-то не спешат¹.

Заметим, что к этим, в принципе известным в науке выводам, П.В. Волобуев в силу целого ряда часто независимых от него обстоятельств пришел в конце жизни в условиях освобождения от бывшей советской цензуры и длительное время насаждавшихся догм в исторической литературе. Эти выводы, особенно об отсталости страны и ее неготовности к социалистической революции, отстаивали в 1917 г. и позже многие представители российской и международной социал-демократии. Тот факт, что П.В. Волобуев признал верным данное положение, означало сближение советских историков с устоявшейся социал-демократической позицией в этом вопросе. Ему были известны и высказывания лидеров меньшевизма той поры, не воспринявших Октябрьскую революцию (П.Б. Аксельрод, Г.В. Плеханов и др.), или относившихся к ней весьма своеобразно (Ю.О. Мартов и другие)². Он с пониманием относился к позиции Мартова, писавшего 19 ноября 1917 г. П.Б. Аксельроду: «Самое страшное, чего можно было ожидать, свершилось – захват власти Лениным и Троцким в такой момент, когда и менее их безумные люди, став у власти, могли бы наделать непоправимые ошибки. И еще, быть может, более ужасное, – это то, что настал момент, когда нашему брату, марксисту, совесть не позволяет сделать то, что, казалось бы, для него обязательно: быть с пролетариатом, даже когда он ошибается. После мучительных колебаний и сомнений я решил, что в создавшейся ситуации на время «умыть руки» и отойти в сторону более правильный исход, чем остаться в роли оппозиции в том лагере, где Ленин и Троцкий

вершат судьбы революции»³. Мартов в сторону тогда не отошел, а возглавил демократическую конструктивную оппозицию создававшемуся режиму.

Работая вместе с П.В. Волобуевым последние годы, смею утверждать, что на его выводы повлияли и источники, исходившие из социал-демократического лагеря в России. Среди последних важное место занимают источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания. Письма особенно ценны: они содержат впечатления от недавних событий или их интимную оценку по прошествии лет. В данной статье рассматривается лишь личная переписка меньшевиков, поскольку известны их коллективные письма, письма в редакции газет, съездам партии и т.д.

Письма

Известны многие издания писем лидеров российской социал-демократии, но, как правило, они принадлежали перу П.Б. Аксельрода, Ю.О. Мартова, Г.В. Плеханова, А.Н. Потресова и относятся к периоду до 1917 г. Один из основных организаторов этих изданий – Б.И. Николаевский во введениях к ним подчеркивал их непреходящую важность для истории. По словам авторов предисловий, «переписка – это лишь небольшая часть материала, нужного для понимания эпохи, людей, дел, партийного и общественного развития, но часть в своем роде необходимая и незаменимая». Они подчеркивали, что в письмах Аксельрода, Мартова, Плеханова и Потресова отражены вопросы внутрипартийной борьбы, творческих изысканий, душевных переживаний⁴.

В коллекции документов Б.И. Николаевского⁵, хранящейся в Гуверовском историческом архиве⁶, находится большое число писем, в которых рассказывалось о подготовке издания переписки Плеханова и Аксельрода⁷, о том, какое большое значение придавали владельцы писем их публикации⁸.

Николаевский был сторонником публикаций писем и документов и критически относился к воспоминаниям лиц, которые, по его мнению, не играли видной роли в российском социал-демократическом движении. В 1958 г. в связи с 80-летием Л.О. Дан готовился к изданию сборник статей, воспоминаний и документов под общим названием «Мартов и его близкие». Николаевский знакомил Л.О. Дан с содержанием будущего сборника. «Не уверен, – писал он, – что Вы делаете правильно, превращая сборник в книгу воспоминаний людей, которые знали относительно мало. По-моему было бы лучше дать сборник документов. Но это, конечно, Ваше дело. Письма Ю.О. [Мартова] я, конечно, дам. Но какие и сколько? Думаю, правильное всего будет, если Вы решите, сколько места для них Вы можете отвести, и потом... мы выберем, что более подходит. Есть ряд очень больших и интересных писем за 1918–1920 гг. не только к Аксельроду, но и к Каутскому, Штейну, Щупаку, Еве Львовне [Бройдо]». В сборнике были опубликованы два письма Мартова: к Н.С. Кристи (30 декабря 1917 г.) и П.Б. Аксельроду (5 апреля 1921 г.)⁹.

Выбор для публикации именно этих писем Мартова можно объяснить тем, что оба они разъясняют его позицию по отношению к установившемуся в стране большевистскому режиму. В письме Мартов писал о том, что “насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия”, что он “органически неспособен примириться с тем аракеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классово-борьбы, которая порождается тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве”. Мартов писал в нем о себе как стороннике индивидуальной свободы и возмущался “расцветом” в стране «“окопно-казарменного” квази-социализма». Он провидел, что страна движется “через анархию, несомненно, к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться”.

Письмо Аксельроду было ответом на его критику взглядов Мартова на политику большевиков. Аксельрод считал большевистский якобинизм «трагической пародией своего прообраза, выросшей на психологической основе геростратизма и “сверхчеловеческого” аморализма». В отличие от Мартова он отрицал пролетарский характер Октябрьского переворота. Мартов возражал. Он полагал, что пока большевиков поддерживает значительное число рабочих, их нельзя свергать или не признавать, что нужно бороться за исправление большевистской политики¹⁰.

Эти письма Мартова достаточно известны, и можно было бы подробно не говорить об их содержании, если бы не одно обстоятельство. Оно связано с впечатлениями, которые вынес профессор Колумбийского университета (США) Л. Хеймсон, интервьюируя в конце 50-х годов старейшин меньшевистской партии Г. Аронсона, Д. Далина, Л. Дан, Б. Двинова, Б. Николаевского, С. Шварца и других¹¹. Хеймсон вспоминал, что его собеседники хорошо помнили события 1905 г. в России и весьма туманно рассказывали о 1917 г. Он объяснил эти провалы памяти тем, что меньшевики тогда потерпели поражение, “которое не вписывалось ни в один из установленных ими наборов ссылочных эталонов, а потому это был опыт, который не мог быть интегрирован памятью и запечатлен ею”¹². Можно согласиться с Хеймсоном, что всегда неприятно вспоминать о плохом, тем более о поражении. Но, наверное, следует иметь в виду, что те, кого он интервьюировал, не играли большой роли в партийной и политической жизни меньшевиков в 1917 г.¹³ Для лидеров меньшевизма события 1917 г. были главными в их письмах, воспоминаниях и аналитических работах, свидетельством чего являются и представленные в сборнике о Мартове его письма.

В 1985–1987 гг. прежде всего усилиями члена партии меньшевиков с 1919 г. и сотрудника Международного института социальной истории в Амстердаме Б.М. Сапира были изданы письма Федора Ильича и Лидии Осиповны Дан¹⁴. В предисловии к первому сборнику Сапир писал, что “приходится считаться с отсутствием писем Дана, относящихся к 1917–1919 гг. Если они где-то и сохранились, их количество вряд ли велико”. Он объяснял это активной политической деятельностью Дана в 1917 г., тем, что его постоянные корреспонденты Аксельрод, Мартов и

Потресов были рядом с ним. Потому в сборнике вслед за письмом, датированном 3 августа 1916 г., следует письмо Аксельроду от 28 мая 1920 г.¹⁵ Нет писем за 1917 г. и среди вышедшей в свет переписки Л.О. Дан. Сапир сетовал, что ему не удалось опубликовать письма Дана, хранившиеся у Николаевского. Составители сборника документов о меньшевиках в 1917 г. издали одно из них. Это письма Дана Аксельроду от 4 декабря 1917 г., в котором приход большевиков к власти характеризуется, как “ленинский переворот”, “огромный солдатский бунт, бунт 10-миллионной армии, захотевшей мира во что бы то ни стало”¹⁶.

Из личных писем меньшевиков 1917 г. наиболее известны письма Мартова Надежде Самойловне Кристи¹⁷, написанные им в Швейцарии, а затем в России, куда он вернулся в начале мая. Большинство из них хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (Москва), отдельные письма есть и в коллекции Николаевского в Гугеровском историческом архиве. Многие из них опубликованы и стали предметом изучения в качестве исторического источника¹⁸. Заметим, что часть писем Мартова к Кристи издана с купюрами, а в наиболее крупном многотомном сборнике меньшевистских документов – “Меньшевики в 1917 г.” авторы и составители (З. Галили, А. Ненароков, Л. Хеймсон) предпочли, помещая письма Мартова 1917 г., ссылаться на архивные данные, никак не упомянув своих предшественников по времени публикации этих же писем (речь идет о письмах Мартова к Кристи, напечатанных в журнале “Свободная мысль” и сборнике писем Мартова, составленном Ю.Г. Фельштинским). Разумеется, право авторов предпочесть оригиналы писем публикациям, но, думается, ссылка необходима. Но есть и более важная проблема – издание полностью писем Мартова Кристи в 1917 г. И в журнале “Свободная мысль”, и в сборниках “Меньшевики в 1917 г.” многие из них даны с купюрами, которые сделаны в значительной степени произвольно. Часть личных писем не вышла в свет.

Право издателей публиковать то, что им кажется важно. Наверное, при отборе документов о жизнедеятельности партии меньшевиков в 1917 г. им были интересны лишь политические оценки Мартовым тех или иных событий, но для характеристики лидера меньшевиков как человека, эволюции его политических пристрастий этого явно недостаточно. Без полного текста документа затруднителен и его источниковедческий анализ, выяснение подлинности и достоверности источника¹⁹.

В данном случае подлинности писем Мартова не вызывает сомнения²⁰. Что же касается достоверности содержащихся в них сведений, характеристик деятельности политических фигур, то в каждом отдельном случае эти данные заслуживают специального рассмотрения.

Мартов в письмах (особенно пока опубликованных частично или совсем неизданных) предстает живым человеком с его темпераментом, сомнениями перед принятием решения, с его правом думать и советовать с близкими, объясняя им мотивы своих поступков. Мартов был необычайно цельным человеком, для которого моральные, нравственные мотивы, как правило, составляли основу его политических решений. Потому без понимания жизненной позиции этого деятеля трудно исследо-

вать его политические воззрения. Личные письма Мартова свидетельствуют о его раздумьях не только о политике, но и о жизни, о близких, о себе. Их содержание противостоит мнению тех исследователей, которые пытаются объяснить кажущуюся непоследовательность действий Мартова его нерешительностью, гамлетизмом, приверженностью идеологическим догмам²¹.

По нашим подсчетам, из 19 писем, 5 открыток и 3 телеграмм Мартова Кристи, хранящихся в РГАСПИ (Москва), не издана примерно треть, в части отдельных опущены тексты, которые, видимо, по мнению составителей, не представляли для них большого интереса. Среди неизданного тексты обращений Мартова к обожаемой им женщине, характеристики отдельных деятелей, рассказы о личной жизни и публикациях работ. В первом по датировке письме Кристи от 30 марта 1917 г. Мартов просил ее “не стесняясь писать об интересующих тебя политических вопросах. И время и охоту отвечать тебе я найду, будь спокойна. Всегда ли ответ удовлетворит тебя, другое дело: положение сейчас такое сложное, такое новое, что многое приходится творить заново и нет всегда достаточно уверенности”²². Это предложение Мартова позволяет думать, что некоторые политические оценки, данные Мартовым в последующих письмах к Кристи, были ответами на ее вопросы.

В письмах к Кристи Мартов весьма внимателен и любезен. 4 мая 1917 г. он писал, как расстроен прощанием с ней перед отъездом из Швейцарии в Россию. Ему казалось, что все прошло как-то “вяло и бледно”, потому что он болен и “страшно физически устал”, хотя у него и есть “исключительная способность временно собирать и напрягать силы до максимума и с маленькими... ресурсами достигать больших результатов”²³. Он писал ей о своей простуде и покупке костюма и пальто для поездки в Россию, о том, как сложна эта поездка через Германию, что к нему снова возник интерес и появились заказы на статьи из ряда зарубежных журналов, а в России переиздают его брошюры, что сам он читает только периодику, так как “нервы очень напряжены”. Отъезд большевиков не вызвал у него “большого раздражения: очень уж заметно, что им самим немного неловко и что они чувствуют, что совершают пакость вообще и по отношению к остальным, в частности”²⁴. Он писал ей из России о различных событиях, давая им свою оценку. Рассказывая о себе 17 июня 1917 г., он сетовал: “Чувствую себя, надо признаться, плохо... Вечное ощущение переутомления, простуды, какое-то огульное состояние. Абсолютно нет возможности вести сколько-нибудь урегулированный образ жизни, есть вовремя, ложиться раньше утра и т.д. Даже с людьми некогда видаться. Живу с сестрой Лидией, с братом Сергеем и его женой, а остальных 3 сестер, живущих в Питере же, почти не вижу”²⁵. 8 августа Мартов сообщал об аресте Луначарского и Троцкого. Он считал это “дикостью”, которая не мешает ему смотреть на будущее без пессимизма, потому что “скоро от кошмарных июльских переживаний останется лишь скверное воспоминание”. Он просил ее писать ему: “мне твои письма очень нужны. Особенно сейчас, когда чувствуешь какое-то ужасное одиночество в этой громадной, в хаосе бурлящей стране”²⁶.

В письмах Мартова довольно много информации об общих знакомых, о Ю.М. Стеклове в них говорится с юмором²⁷. Н.Н. Суханов относился к Стеклову более серьезно и даже назвал его “выдающейся фигурой революции”²⁸. Но, наверное, люди мечущиеся, тщеславные, официально менявшие фамилии, а не выступавшие под временными псевдонимами, вызывали у Мартова насмешливое отношение.

Опубликованы письма Мартова Аксельроду (19 ноября, 1, 30 декабря 1917 г.), в которых Мартов разъяснял свою позицию по отношению к происшедшему в России²⁹. Она выражалась в словах: “Самочувствие наше, как можете догадываться, весьма плохо. Присутствуешь при разгроме революции и чувствуешь себя беспомощным что-нибудь сделать”³⁰.

Многие из писем Мартова не сохранились. Часть из них он уничтожил сам. 25 апреля 1917 г. он писал Кристи, что перед отъездом хотел бы оставить у нее небольшой ящик с книгами и бумагами: “Успокойся, твоих писем не оставлю: все будет сожжено”. 11 мая Мартов сообщал: “Твое последнее письмо – я его сжег – произвело на меня глубокое впечатление, я долго о нем думал”. Признаваясь, что ему «не чужд “фетишизм сувениров”», он вступает в противоречие с условиями жизни. «Пока я жил “сплошь” 7 лет за границей, я все, что хотел, сохранял. Но, например, когда пришлось переехать в Россию, я не мог взять ни писем, ни карточек – исключительно из органического отращения к тому, что мое “личное” трогали полицейские руки при первом обыске. И так было всегда. Мне еще ни разу не пришлось присутствовать при чтении жандармами моей личной – не деловой переписки. Но, чтоб этим не рисковать, приходилось сдавать на хранение по возможности в надежные места. Не моя вина, если при этом иногда случалось, что изменялись условия жизни самих хранителей, они передавали дальше, и раз – всего раз! случилось, что моя личная переписка при таких передачах перепуталась с переданной на хранение перепиской других лиц и что пара посторонних лиц должна была пересмотреть ее, чтобы отобрать мою собственность и вернуть мне. Этот факт был мне так неприятен (кстати, это случилось только с письмами, оставленными мною за границей, когда я в 1905 году нелегально вернулся в Россию), что оставил на многие годы горький осадок и заставляет меня беспокоиться о судьбе моей собственности»³¹.

Аксельрод высоко ценил письма Мартова из советской России, которые, по его выражению, «рисуют яркую картину человеческого бытия в царстве “коммунистической революции”»³². 30 августа 1918 г. Аксельрод писал К. Каутскому, что получил письмо от Мартова, что “самый талантливый (после Плеханова) в русской партии Мартов был избран в качестве делегата” на конгресс в Стокгольм. Он предлагал Каутскому вместе с Мартовым обсудить российские внутрипартийные дела и споры, потому что разница между способом борьбы Розы Люксембург в Германии и “борьбой Ленина... против нас еще большая”³³.

Аксельрод был в России с мая по август 1917 г., его избрали председателем ЦК РСДРП, а затем представителем партии на международных социалистических конференциях. Но активно переписывался тогда с ним не только Мартов. Одним из таких его корреспондентов был

И.А. Виляцер (1883–1952). Одно из первых писем он отправил ему 15 марта 1917 г. из Копенгагена, где жил в эмиграции. Виляцер спрашивал в нем совета как ему поступить: в России, по его мнению, пришла к власти партия патриотов, намеренная продолжать войну, ее поддерживать он не может. Вместе с тем новое правительство стало “могильщиком старого порядка”, что производит на него благоприятное впечатление. Потому 25 марта он сообщал Аксельроду, что ленинский призыв к недоверию Временному правительству представляется ему “абсолютнейшим вздором”, так как это грозит расколом среди тех, кто опрокинул самодержавие. Виляцер видел в Аксельроде наибольший авторитет для однопартийцев и просил его 25 апреля 1917 г. скорее приехать в Россию, где “бурная демократическая стихия захлестывает социалистическое нутро наше”³⁴.

Интересна и переписка И.Г. Церетели с Аксельродом в первые годы после прихода к власти большевиков, когда один из лидеров меньшевизма и бывший министр Временного правительства представлял в Париже меньшевистское правительство Грузии. В письмах 1919 г. Церетели характеризует большевизм как самую “страшную опасность социализму”. 6 ноября 1919 г., отвечая на поставленные Аксельродом вопросы о своей позиции в 1917 г., Церетели оправдывался: пожатие руки московскому предпринимателю А.А. Бубликову во время августовского Государственного совещания в Москве было случайным; смертная казнь была восстановлена только на фронте с середины июля 1917 г., “после прорыва нашего фронта немцами”. В военно-революционные суды входили и солдаты. Казнь ввели из-за ужасного положения на фронте. Но почти всегда казнь заменялась тюрьмой, за исключением нескольких случаев казни за убийство и шпионаж. “На всякий случай напоминаю Вам, – писал Церетели, – что Мартов принимал самое горячее участие в кампании против смертной казни”. Заседание Учредительного собрания, продолжал он в том же письме, представляло собой такую варварскую картину, которую трудно описать: проходы, места перед трибуной заполнили вооруженные матросы. “Во время моей речи все время раздавались угрозы по моему адресу... В стенограмме не передали весь тот хор угроз, который продолжался во время моей речи. Вообще, в продолжение всего заседания атмосфера была насыщена электричеством и с минуты на минуту ждали первого выстрела, который послужил бы сигналом к общему побоищу”³⁵. Эти ответы Церетели нуждаются в комментарии.

А.Ф. Керенский и Н.Н. Суханов, присутствовавшие на Государственном совещании, в воспоминаниях утверждали, что рукожатие Церетели и Бубликова не было случайностью³⁶. На объединительном съезде РСДРП(б) в августе 1917 г., отвечая на критику за это “рукожатие буржую”, Церетели не говорил об этом как о случайности, а, наоборот, видел в этом возможность сотрудничества революционной демократии с буржуазией³⁷. Здесь мы видим отличие в высказываниях человека, находящегося при должности, когда он оправдывает свои поступки, и позже, когда он под влиянием различных причин дает им выгодную для себя (в новых условиях) трактовку.

Не совсем искренен Церетели и в желании преуменьшить значение декрета Временного правительства о введении смертной казни. Ведь известно, что генерал Корнилов, став командующим Юго-Западным фронтом (8 июля 1917 г.), приказал расстреливать без суда и следствия дезертиров и грабителей, “выставляя трупы расстрелянных по дорогам, на видных местах”, что число жертв после официального введения Временным правительством 12 июля 1917 г. смертной казни и учреждения военно-революционных судов было в ответе Церетели максимально минимизировано³⁸.

Более достоверным в ответах Церетели представляется данное им описание заседания Учредительного собрания. Ф.И. Дан в письме Аксельроду 8 января 1918 г., т.е. через два дня после его разгона, сообщал, что, по свидетельству его участников, “газеты и в отдаленной степени не передают того невыносимо позорного и недостойного положения, в которое было поставлено Собрание большевистской свистопляской и грубейшим вмешательством вооруженных матросов, заполнивших и хоры, и самую залу”³⁹.

Письма Церетели Аксельроду свидетельствуют о том, насколько серьезно они обсуждали позицию Мартова по отношению к большевизму и как надеялись на ее изменение. В письме 12 ноября 1920 г. Церетели радовался приезду Мартова, потому что положение в Европе и беседы с Аксельродом “убеждают его в необходимости изменить принципиальную позицию по отношению к большевизму”. В следующем письме Аксельроду (29 ноября 1920 г.) он соглашался с ним в том, что Мартов и его сторонники в России проявляют в борьбе с большевиками “прямо геройскую смелость и самоотверженность, но в смысле политическом их оппозиция чрезвычайно несмела и потому бесплодна”. Через два года, после встреч с Мартовым и Даном, он снова сообщал Аксельроду 17 марта 1922 г., что «на своей “октябристской” позиции по отношению к большевикам они стоят твердо, храня суевверное почтение к “завоеваниям революции”, отстаиваемым большевиками. Но в частном разговоре они гораздо резче отзываются о хулиганской натуре большевизма. Противоречие между их анализом политики большевизма и их собственными политическими выводами остаются вопиющими»⁴⁰.

Эти письма являются отголосками той полемики, которую вели сторонники резко негативного отношения к большевистскому режиму в советской России (Аксельрод, Церетели и др.) с Мартовым и его сторонниками критики большевизма, но не его свержения. Poleмика эта завершилась в 1922 г., когда Мартов в статье “Наша платформа” полностью отказался от поддержки большевистского режима, как протобонапартистского извращения революции. Хотя по-прежнему главной задачей он считал “возможно безболезненный переход от режима диктатуры большевистской клики к режиму демократической республики”⁴¹.

Революционные события 1917 г. занимали центральное место в письмах меньшевиков той поры и в 20-е годы. Принадлежность писем подписавшему их автору не вызывает сомнений. Они содержат преимущественно оценочные рассуждения, касаются характеристик общих зна-

комых, творческих планов, в них мало исторической конкретики. Проблема достоверности возникает лишь тогда, когда авторы вспоминают, или пытаются воздать должное собственным поступкам. Иное представляют воспоминания.

Мемуары

Воспоминания – специфический источник, при изучении которого следует учитывать время и условия их создания, степень осведомленности автора, роль, которую он играл в описываемых им событиях и т.д.⁴² А.А. Корников, рассматривая источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии, отводит их воспоминаниям роль важного источника, особенно для понимания формирования личности, эволюции ее взглядов и т.д.⁴³ Это общие методические замечания, но их явно недостаточно при анализе конкретных текстов.

1917 г. занял главное место в воспоминаниях многих меньшевиков, но отношение к тогда происшедшему, прежде всего к приходу большевиков к власти, было разным. Все зависело от многих обстоятельств: в эмиграции или в советской России находился мемуарист; был ли он в это время на советской службе; вышел из состава РСДРП и остался беспартийным или вступил в партию большевиков и т.д. Достаточно обратиться к воспоминаниям Н.Н. Суханова и И.М. Майского, чтобы понять эту разницу.

Суханов (1882–1940) написал семь книг “Записок о революции” в 1918–1921 гг., основываясь на своей феноменальной памяти, сохранившейся периодике и темпераменте публициста. Они были изданы в Берлине в начале 1920-х годов и переизданы только в 1991–1992 гг. в постсоветской России⁴⁴. Рукописи “Записок”, по всей видимости, не сохранились. Их варианты и авторская правка отсутствуют. Достоверность приводимых в ней отдельных фактов вызывает сомнения. Многие из причин этого названы Корниковым – неточность приводимых в воспоминаниях сведений, некритичное отношение Суханова к газетным публикациям и другим источникам⁴⁵. Суханов стал меньшевиком в мае 1917 г. по рекомендации Мартова, а 10 декабря 1920 г. заявил о выходе из партии в знак протеста против выступления Мартова в Галле с разоблачениями большевистского режима и призыва к воссозданию II Интернационала. Он работал в различных советских учреждениях вплоть до ареста в 1930 г.

В автобиографии, опубликованной в 1927 г., Суханов, довольный введением нэпа, заявил о своем согласии с политикой большевиков, а потому просил считать “ошибочным все писанное” им “до 1921 г.”. Додавка его биографа Корникова о том, что если бы эти “Записки” автор готовил к печати после 1921 г., то скорее всего в них была бы иная оценка фактов и тенденции изложения, осталась гипотетической⁴⁶. Этого не случилось, нового варианта “Записок” не издавалось. От своих “Записок” Суханов более не отказывался. Они остались, наверное, самими цитируемыми воспоминаниями из написанных меньшевиками о 1917 г. Особенно драматично описание заседания II съезда Советов

(25 октября 1917 г.) и ухода с него меньшевиков и эсеров. И вывод: “Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции”⁴⁷.

Майский (1884–1975), меньшевик, на Чрезвычайном съезде РСДРП (ноябрь–декабрь 1917 г.) был избран членом ЦК партии. На съезде Майский говорил о меньшевиках, как единственной марксистской партии, хотя в отличие от большинства делегатов придерживался мысли, что революция носит пролетарский характер, “вытекающий из глубоких социальных причин и неудачной политики Временного правительства в области борьбы за мир и проведения необходимых экономических мероприятий”⁴⁸. Он вернулся из эмиграции в Россию в мае 1917 г. и вскоре стал начальником департамента министерства труда Временного правительства по взаимоотношениям рабочих и работодателей. К приходу большевиков к власти Майский отнесся отрицательно. Более того, в августе 1918 г. он стал управляющим департамента труда Комитета членов Учредительного собрания в Самаре, ведущего вооруженную борьбу с большевиками. На критику своих коллег и выведение из состава ЦК за то, что сотрудничал с правыми эсерами в этой борьбе, ответил гневным письмом, где упрекал руководство партии в непоследовательной политике по отношению к большевистскому режиму и призывал к решительной борьбе с ним. О себе же говорил просто: “Я считаю себя счастливым, что мне на долю выпала великая честь принять посильное участие в последней героически отчаянной попытке демократии спасти революцию”⁴⁹. В 1919 г. Майский порвал с меньшевиками и в феврале 1921 г. был принят в РКП(б). Позднее стал советским дипломатом и научным работником.

В воспоминаниях Майский о своем меньшевистском прошлом старался не вспоминать. Исключением стала лишь его книга “Демократическая контрреволюция”, которая печаталась в журнале “Красная новь”, а затем вышла отдельным изданием⁵⁰. В ней Майский каялся в своей прошлой борьбе с большевиками и объяснял это тем, что в 1917–1918 гг. был убежден в том, что “немедленный переход к социализму в России... объективно невозможен и что преждевременные попытки осуществления социализма не только не ускорят, а, наоборот, в сильнейшей степени затормозят наше движение к конечному идеалу”. Мартов назвал эту книгу Майского “Воспоминаниями ренегата”⁵¹.

Нежелание “ворошить” свое меньшевистское прошлое, вспоминать о негативном отношении к большевикам в 1917 г. характерно и для мемуаров бывших меньшевиков, выступивших с таковыми в советское время. О.А. Ерманский (1866–1941), меньшевик, редактор ряда изданий РСДРП. В 1921 г. вышел из партии вплоть “до приезда Мартова” из Германии в Россию, до “момента перехода ЦК к новой политике... которую предлагал он и, по его мнению, предложили бы Мартов и Дан”⁵². Позже работал в советских учреждениях и преподавал политэкономии.

Воспоминания Ерманского “Из пережитого” были опубликованы в 1927 г., к 10-летию Октябрьской революции. Заметим сразу, что 1917 г. не занимает в его мемуарах центрального места, хотя бы потому, что, судя по опубликованным документам о деятельности меньшевистской партии в то время, он был более активен, чем это отображено в его книге⁵³. В ней содержится рассказ о Февральской революции, об участии в работе III Циммервальдской социалистической конференции в Стокгольме (23 августа – 1 сентября 1917 г.) и ничего об Октябрьской революции, которую он воспринял тогда негативно⁵⁴. Он, как и многие его единомышленники в то время понимали, что Россия в “марксистском смысле слова, не созрела еще для социалистического переустройства”⁵⁵.

В книге Ерманского немного фактов, но среди его рассуждений есть замечание о том, что в февральские дни 1917 г. меньшевики ничем себя не проявили, что движение рабочих и солдат Петрограда было более стихийным, нежели организованным. Он писал: “Что делали в это время другие партийные организации, я не знаю. Что касается нашей, слабой Инициативной рабочей группы, то она за эти дни не собиралась: она существовала как сумма единиц, но не как целое”⁵⁶. Это мнение не разделял Ю.П. Денике, меньшевик и историк РСДРП, когда писал, что “роль меньшевизма в Февральской революции была очень велика. В некоторые моменты она была решающей...”⁵⁷. В.И. Миллер нашел ситуацию той поры парадоксальной и объяснил руководящую роль меньшевиков в Петроградском Совете наличием тогда в городе таких лидеров этой партии, как Н.С. Чхеидзе и М.И. Скобелев⁵⁸. Думается, все это имело место. Но одно дело – организация уличных манифестаций, другое – раздел властных функций⁵⁹. Потому вопрос о роли меньшевиков в февральские дни требует дальнейшего изучения.

Ерманский в 20-е годы еще мог что-либо написать о положительной деятельности меньшевиков, о том, как они жили в первые советские годы. С.Г. Струмилин (1877–1974), меньшевик, а с 1923 г. член РКП(б), издавая свои мемуары к 40-летию Октябрьской революции, всячески открепивался от пребывания в РСДРП. В воспоминаниях он писал о себе после февральских дней 1917 г.: “Я никогда не считал себя меньшевиком, хотя и организационные и личные связи сближали меня тогда с меньшевиками гораздо теснее, чем с большевиками”⁶⁰. Струмилин, ставший ко времени написания своих мемуаров крупным советским экономистом и академиком, явно недоговаривал о своей активной работе в РСДРП, о том, что был делегатом на IV и V съездах этой партии и встретил приход большевиков к власти отнюдь не восторженно⁶¹.

Иначе написаны воспоминания, изданные за рубежом. П.Б. Аксельрод хотел, но, по всей видимости, не успел написать воспоминания о России 1917 г. Его отношение к приходу к власти большевиков было неизменно отрицательным, так как, по его словам, “большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем быть не мог”⁶².

Воспоминания Аксельрод начал писать в 1921 г., когда по состоянию здоровья не мог участвовать в активной политической борьбе. Близкие ему И. Церетели и В. Войтинский просили его заняться мемуарами. В письме редактору еврейского журнала “Zukunft” (США) он объ-

яснял, что к работе над воспоминаниями его привлекла надежда на возможность “проследить отчасти пути внутреннего развития революционного движения в России и осветить зарождение тех процессов, которые завершились у нас торжеством большевизма”. Аксельрод сообщал, что свои воспоминания он решил посвятить РСДРП, “которая еще так недавно была едина и распалась на составные национальные элементы после того, как большевизм, задушив российскую революцию, разбил Россию на части”. Он предполагал написать мемуары в четырех частях, в последней из которых хотел рассказать “о попытках нашей партии и Интернационала разрешить вопросы, поставленные перед ними войной, революцией 1917 года и торжеством большевизма в России”⁶³. Его изданная книга воспоминаний была посвящена революционному движению в России конца XIX в., но и в ней он пытался проследить воздействие теорий насилия С.Г. Нечаева (1847–1882) и П.Н. Ткачева (1844–1886) на большевизм⁶⁴.

Г.В. Плеханов вернулся в Петроград из эмиграции 31 марта (13 апреля) 1917 г. Ему оставалось жить чуть больше года – он умер 30 мая 1918 г. Плеханов не оставил воспоминаний о 1917 г. в России, хотя опубликованные тогда в газете “Единство” более 120 его статей и заметок составили двухтомник политического завещания выдающегося российского марксиста. Его негативное отношение к большевикам и установленному ими режиму широко известно. Воспоминания о встречах с ним в ту пору оставили Л.Г. Дейч, Н.В. Валентинов, а Р.М. Плеханова рассказала о его последних днях. Все эти воспоминания проанализированы С.В. Тютюкиным⁶⁵.

В названных выше воспоминаниях Плеханову приписываются резкие высказывания в адрес Ленина, лидеров меньшевизма и т.д. Установить их достоверность в данном случае не представляется возможным. Хотя следует иметь в виду, что под публикацией Валентинова стоит дата 15 августа 1954 г., а учитывая стремление Р.М. Плехановой редактировать тексты документов, убирать то, что, как ей казалось, не следует публиковать по разным мотивам, можно говорить лишь о степени достоверности и ее свидетельств⁶⁶.

Усилиями Николаевского и Аксельрода в 20-е годы воспоминаниями занялись А.Н. Потресов и И.Г. Церетели. Потресов хотел завершить двухтомные мемуары к концу 1927 г., но не успел этого сделать⁶⁷. Воспоминания И.Г. Церетели о Февральской революции были опубликованы. Он начал их писать летом 1924 г. по совету Аксельрода. 16 августа 1924 г. Церетели сообщал Аксельроду, что пишет воспоминания. “Чем больше я работаю, – отмечал он, – тем больше убеждаюсь, как много вреда мне принесло, что я никогда не занимался систематическим писанием”, поэтому “с великим трудом добиваюсь того, чтобы просто и ясно изложить то, что думаю. Недавно я прочитал первые главы и поразился, как многословно и неясно я все там изложил. И переработал все заново. Все же я работаю с охотой и думаю, что когда доведу книгу до конца, окажется, что это писание помогло мне овладеть литературной техникой. А предмет меня увлекает, и очень хочется изобразить все как было – и хорошее, и плохое”⁶⁸.

Церетели (1881–1959) играл видную роль в общественной жизни страны после свержения самодержавия: был членом Исполкома Петроградского Совета и заместителем председателя ВЦИК, министром почт и телеграфа Временного правительства, депутатом Учредительного собрания. Результаты оценки его деятельности в то время противоречивы⁶⁹. Церетели в воспоминаниях пытался не столько оправдать свои действия, сколько выяснить причины поражения демократии в 1917 г., которые он видел, прежде всего, в ее неспособности создать твердую государственную власть. Причем, по его мнению, смертельный удар по революционной демократии нанесли июльские события 1917 г.⁷⁰ Интересны и его характеристики отдельных политических деятелей той поры, в том числе большевиков Ленина, Каменева, Сталина и других. Степень достоверности приводимых в этих воспоминаниях фактов различна и требует в каждом отдельном случае источниковедческого подтверждения.

Среди многих воспоминаний меньшевиков, в которых революционные события 1917 г. отдельно не рассматривались⁷¹, остановимся несколько подробнее на характеристике мемуаров Н. Жордания, Ю. Денике и В. Войтинского⁷².

Н.Н. Жордания (1869–1953) начал участвовать в революционном движении России с 1890-х годов. С 1907 г. член ЦК РСДРП, меньшевик. В 1917 г. возглавлял Тифлисский Совет, был депутатом Учредительного собрания. По его мнению, революция 1917 г. была неожиданной для всех политических партий страны и ее свершила армия. Он подробно описывает то время в Грузии, показывая определенную “неразбериху” в действиях властей⁷³.

Ю.П. Денике (1887–1964) – в 1905–1906 гг. большевик, с 1907 г. меньшевик, в 1917 г. лидер казанской меньшевистской организации, с 1922 г. в эмиграции. Его воспоминания основывались не столько на личных впечатлениях, сколько на изучении различных источников и потому более похожи на исследование. Наблюдение Денике о причинах роста численности меньшевистской партии, как “правительственной” после свержения самодержавия, так же как и его объяснение отхода рабочих от меньшевистских Советов снижением их жизненного уровня рабочих заслуживают внимания историков⁷⁴.

В.С. Войтинский (1885–1961) – с 1905 г. большевик, с апреля 1917 г. меньшевик. Он был тогда членом бюро Петроградского Совета и членом ВЦИК, затем помощником комиссара и комиссаром Временного правительства на Северном фронте. С 1921 г. в эмиграции. Воспоминания написал в 1920-е годы в соответствии со своим служебным положением и взглядами на происходящее. Его ссылки на периодику, воспоминания различных участников событий 1917 г., академическую литературу ставят и его мемуары в разряд исследовательской литературы. Особенно интересны его наблюдения о причинах дезертирства в армии, падении ее боеспособности, что явилось важной причиной того, что он назвал агонией. Войтинский пишет, что перед восстанием в Петрограде, руководимом большевиками, Временное правительство “оказалось столь же бессильно, как и в июльские дни – на его стороне в Петрограде не было никого и ничего”⁷⁵.

Заметим, что начиная примерно со второй половины 1920-х годов мемуаристы, готовя к публикации свои воспоминания, все чаще обращались к документам и различным исследованиям. Это делало их отличными от просто воспоминаний, так как они напоминали больше исследователя, нежели рассказ участника или очевидца событий. Так, работа Б.И. Николаевского “Меньшевики в дни Октябрьского переворота”, в которой автор приводит 40 документов⁷⁶, вряд ли может быть отнесена к воспоминаниям. Эта тенденция стала характерной для многих воспоминаний – мемуаристы не считали возможным опираться на слабеющую память. Тем не менее все они, хотя и в разной степени, нуждаются в документальном подтверждении приводимых фактов.

Источники личного происхождения всегда будут привлекать внимание исследователей своей несхожестью, нестандартностью и открытостью мышления. Они как никакие другие виды публикаций позволяют понять, что не нужно делать, чтобы не повторить ошибок их авторов.

¹ Интервью с академиком // Отечественная история. 1997. № 5. С. 120; Волобуев П.В. От природы я оптимист // Историки России о времени и о себе. М., 1998. Вып. 2. С. 11.

² Особенно широко известны высказывания Г.В. Плеханова о том, что “социалистический строй предполагает по крайней мере два непрременных условия: 1) высокую степень развития производительных сил (так называемой техники); 2) весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны” и что, пока этих условий нет, “толковать об организации социалистического общества в нынешней России, значит впасть в несомненную и притом крайне вредную утопию”. Или его образное выражение 1917 г. о том, что “русская история еще не смолела той муки, из которой со временем испечен будет пшеничный пирог социализма...” (Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. 1. С. 129–138). Весьма критическое отношение к этим высказываниям советских историков в начале 90-х годов сменилось на положительное к ним отношение (см.: Гусев К.В. О некоторых теоретических основах соглашательского блока (к вопросу об оценке меньшевиков и эсерами революции в России и перспектив ее развития) // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг.: Сб. научных трудов. М., 1977. Ч. 1. С. 27; Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 331–332).

³ Ю.О. Мартов. Письма. 1916–1922 / Редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский. Benson, 1990. С. 14.

⁴ Письма П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901–1916 гг. Берлин, 1924. С. 9; Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1–2; Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.; Л., 1928. Т. 1; Многие письма были опубликованы в Ленинских сборниках. Только в 1924–1933 гг. Институт Ленина издал 25 томов Ленинских сборников, где были опубликованы письма Ленина, Плеханова, Мартова и многих других участников революционного движения.

⁵ Николаевский Б.И. (1887–1966) – в социал-демократическом движении с 1901 г. В 1903–1906 гг. большевик, затем в меньшевистской партии. С 1920 г. член ЦК меньшевиков. В 1921 г. был арестован, заключен в Бутырскую тюрьму, в феврале 1922 г. выслан из советской России. Жил в Берлине, Париже, Амстердаме и Нью-Йорке. Автор многих работ по истории большевизма и социал-демократического движения в России. Известный собиратель и хранитель архива по истории революционного движения в стране. В 1924–1931 гг. по поручению директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанова собирал для института материалы по истории международного рабочего движения. Позже Рязанов характеризовал его как добросовестного и ценного работника (Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент: Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина: Биографический очерк. Документы. М., 1996. С. 358–359.). Г.Я. Аронсон (1887–1968) – меньшевик и бундовец, член Заграничной делегации и один из лидеров правого течения среди меньшевиков, писал, что Николаевский отличался от других меньшевиков тем, что предпочитал заниматься архивами и историей, нежели политикой в ее чистом виде (Аронсон Г. Памяти Б.И. Николаевского (1887–1966) // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1966. 3 марта).

⁶ Hoover Institution Archives. Stanford University, Stanford, California, USA. Boris Nicolaevsky Collection (Далее: НИА).

⁷ 8 июня 1923 г. Николаевский писал Р.М. Плехановой, что подготовка к изданию писем Плеханова и Аксельрода задерживается из-за отсутствия согласия последнего. Поэтому он предлагал сначала опубликовать письма Плеханова Аксельроду, а письма Аксельрода Плеханову временно отложить. Когда Плеханова стала настаивать на изъятии отдельных мест из писем мужа, а также из публикуемых писем Мартова, Николаевский 23 ноября 1924 г. ответил ей, что удивлен несправедливостью ее упреков, так как в своей работе руководствуется «одним желанием: сделать издание достойным тех, чьи письма в нем публикуются» (НИА. Boris Nicolaevsky Collection. Box 82. Folders 17. Ser. 41).

⁸ 10 мая 1925 г. А.Н. Потресов писал Николаевскому, что в Москве он беседовал с Н.С. Ангарским по поводу хранящихся у него писем Ленина. Он отдал три письма Ленина в ответ на согласие издать его переписку с Мартовым. Потресов обещал, что как только будет подписан договор об этом, он передаст из своего архива письма Р. Люксембург, Плеханова, а также письма Ленина из Шушенского (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 57. Folders 3. Ser. 19). Переписка Потресова и Мартова опубликована частично (Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928). Два переплетенных тома этой переписки – 188 писем за 1898–1913 гг. хранятся в Гуверовском архиве и ждут своего издателя. Ангарский (Клестов) Н.С. (1873–1941) – в революционном движении с 1896 г., большевик, издатель марксистской литературы (Подробнее о нем см.: *Будаев Д.И.* Историк большевистской партии Н.С. Ангарский // Вопросы истории КПСС. 1990. № 4. С. 106–119).

⁹ Архив международного института социальной истории в Амстердаме. Л.О. Дан. Папка 15 (Далее: ИИШ); Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 48–60.

¹⁰ Мартов и его близкие. С. 48–49, 56–58. Подробнее о позиции Аксельрода см.: *Савельев П.Ю.* П.Б. Аксельрод: Человек и политик (1849–1928) // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 184–188.

¹¹ The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past. Ed. L.H. Haimson. Introduction by L.H. Haimson. Cambridge University Press. 1987. В архиве Гуверовского института хранятся многие из этих интервью.

¹² *Хеймсон Л.* Меншевики и эволюция российской интеллигенции // Россия. XXI. 1995. № 5–6. С. 112–113.

¹³ Г.Я. Аронсон в 1960 г. писал о себе: «Я был только спицей в колесе крупных исторических событий, но во мне живо сознание принадлежности к поколению, которое строило социал-демократию в России, участвовало в рабочем движении и связывало с демократической революцией все свои мечты и все свои надежды, разбитые беспощадно большевистской диктатурой. Наша деятельность давно уже закончилась» (*Аронсон Г.К.* К истории правого течения среди меньшевиков // Меншевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний. Вентсп., 1990. С. 284–285).

¹⁴ Федор Ильич Дан. Письма (1899–1946) / Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985; Из архива Л.О. Дан / Отбрал, снабдил примечаниями и очерком биографии Л.О. Дан Борис Сапир. Amsterdam, 1987. Сапир Б.М. (1902–1989) – меньшевик с 1919 г., неоднократно арестовывался советскими властями, в 1925 г. нелегально бежал за границу. Жил в Берлине, Париже, Амстердаме, Гаване, Нью-Йорке. Последние годы жизни работал в Международном институте социальных исследований в Амстердаме, почетный доктор Амстердамского университета. Подробнее о нем см.: *Corrsin S., Jansen M., Scaruffi E.* Boris Moiseevich Sapir. Menshevik and social historian. Amsterdam, 1997; *Янсен М.* Жизнь меньшевика // Воля. 1995. № 4–5. С. 227–236.

¹⁵ Федор Ильич Дан. Письма. С. XIII, 314, 317. Подробнее о Ф.И. Дани см.: *Данов Б.Л.* Ф.И. Дан // Мартов и его близкие. С. 119–137; *Сапир Б.М.* Федор Ильич Дан (1871–1947): Очерк политической биографии // Федор Ильич Дан. Письма. С. XXXVII–LVIII.

¹⁶ Федор Ильич Дан. Письма. С. XIII; Меншевики в 1917 г. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 532–533.

¹⁷ Кристи Н.С. (1888–начало 20-х годов) – пианистка, в 1906–1917 гг. жила во Франции и Швейцарии вместе с мужем М.П. Кристи (1875–1956), политэмигрантом. В январе 1918 г. с семьей вернулась в Петроград, работала в комиссии по улучшению питания детей. Похоронена в г. Пушкин под Петербургом (Свободная мысль. 1991. № 16. С. 38–39).

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51 (Далее: РГАСПИ); *Мартов Ю.* Из писем 1917 года / Публикацию подготовили научные сотрудники РГАСПИ Н. Антонова и Л. Роговая // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 26–39; Меншевики в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 242–250; М., 1995. Т. 2. С. 248–250; М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 400–402; М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 586–588; *Ильчук Г.И.* Ю.О. Мартов в зеркале личной переписки 1917 г. // История политических партий в вузовском курсе политической истории. М., 1991. Вып. 1. С. 134–136; *Она же.* Переписка лидеров меньшевизма как исторический источник (на примере писем Мартова 1917 г.) // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 71–83; *Казарова Н.А.* Письма Ю.О. Мартова как исторический источник // Лосевские чтения: Материалы научно-теоретической конференции. Ростов-на-Дону, 1998.

¹⁹ Под подлинностью источника подразумевается его принадлежность подписавшему его автору или учреждению, обозначенному в тексте. Степень достоверности определяется соответствием между явлением и его описанием в документе. А.И. Уткин и А.И. Степанов, рецензенты первого тома сборника документов «Меншевики в 1917 г.», отмечали в качестве недостатка отсутствие у составителей тома критического отношения к публикуемым источникам, которые не свободны от тенденциозности, ошибок и фактических неточностей (Исторический архив. 1995. № 3. С. 221).

²⁰ Проблема авторства писем, как и других документов, связана с выявлением фальсифицированных источников. Эта проблема была весьма актуальна для дореволюционных источниковедов, а ныне вновь превратилась в приоритетное направление, особенно для исследователей, изучавших фальсифицированные политические процессы, в том числе и над деятелями социалистических партий России в советское время. Об этом подробнее см.: *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996; *Корников А.А.* Судьба российского революционера: Н.Н. Суханов – человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995; *Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917–середина 1950-х годов. М., 1999; и др.

²¹ Д.А. Волгоконов в книге о Ленине один из разделов назвал «Трагедия Мартова». Это определено он взял у Троцкого, который видел трагедию лидера меньшевизма в том, что он стал большевиком. Волгоконов объяснял трагедию Мартова его наивной верой в то, что «революция может быть чистой, моральной, светлой». В таком случае, с большим основанием можно говорить о трагедии большевистских вождей, принесших на алтарь созданного ими тоталитарного государства жизни миллионов своих сограждан и потерпевших сокрушительное поражение после временной реализации своих жесточайших планов. Возможно, гнев Ленина и Троцкого против Мартова усиливается от того, что они натолкнулись на сопротивление человека, не желавшего вместе с ними быть «повязанным кровью сограждан» и открыто выступившего против террора и гражданской войны? Для Троцкого Мартов – личность гамлетического типа, чрезмерно совестливая, беспомощная фигура интеллигента. В статье о Мартове Троцкий ставил себе в заслугу то, чего Мартов сделать не мог (забыть свое еврейское происхождение, стать «твердокаменным большевиком», добиваться цели любыми средствами, не претендовать ни на какие властные должности и т.д.). Троцкий в начале века был многим обязан Мартову, но теперь, став вождем, он работал «под Ленина» и хотел быть, как все, беспощадным (*Волгоконов Д.А.* Ленин. М., 1994. Кн. 1. С. 89–90; *Троцкий Д.Д.* Политические силуэты. М., 1990. С. 67–68; *Полтер Ф.* Троцкий и Мартов // История СССР. 1991. № 5. С. 197–200).

О гамлетизме Мартова писал Н.Н. Суханов, заявляя, что эта черта характера Мартова проявлялась в его интеллекте, склонном к анализу, а не принятию быстрых решений (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 184). Этой точки зрения (Троцкий и Суханова) придерживаются в какой-то степени И. Гетцлер и В.Х. Тумаринсон, называя вождя меньшевиков «Гамлетом демократического социализма» (*Getzler I.* Martov: A Political Biography of Russian Social-Democrat. Cambridge, 1967. P. 218–220; *Тумаринсон В.Х.* Меншевики и большевики: Несостоявшийся консенсус: (Опыт исторической реконструкции). М., 1994. С. 208). Думается, что более других в понимании роли Мартова в революционном движении в России продвинулись П.Ю. Савельев и С.В. Тютюкин, написав обстоятельный очерк о Мартове, как человеке и политике. Они увидели в деятельности Мартова прежде всего урок политической честности, принципиальности и подлинного демократизма (*Савельев П.Ю., Тютюкин С.В.* Юлий Осипович Мартов (1873–1923): Человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 133–157; № 5. С. 130–166).

Н.А. Казарова пишет, что Ленина и Мартова объединял фанатизм и беспощадность к политическим противникам, «причем Ленин был более склонен к компромиссам, чем Мартов». Далее она замечает, что Ленин «всегда исходил из соображений политической и дипломатической целесообразности и необходимости, тогда как у Мартова идеологические принципы преобладали над этими соображениями». Автор отмечала, что Мартов «стремился не допустить окончательного разрыва» с Лениным, хотя и понимал, что Ленин «выступал за объединение только в тех случаях, когда это было ему необходимо» (Казарова Н.А. Ю.О. Мартов: Штрихи к политическому портрету. Ростов-на-Дону, 1998. С. 158). В этой цитате поражает не только странная логика автора: Ленин «более склонен к компромиссам», хотя именно Мартов длительное время не допускал разрыва с ним. Кто же из них в таком случае был более склонен к компромиссу? Невозможно представить себе и преобладание у Мартова «идеологических принципов» (не моральных и нравственных) над политическими и дипломатическими соображениями. Достаточно вспомнить высказывания об этом Мартова в 1914 и 1921 г. В 1914 г. он говорил о том, что «марксисты» не обязаны слепо повторять каждое слово, сказанное 60 и более лет назад Марксом: частных ошибок в политических суждениях Маркса было столько же, сколько в суждениях каждого крупного и самостоятельно мыслителя». В 1921 г. Мартов выразил сомнение в правомерности применения марксистской теории к послевоенному состоянию мира, так как он «настолько не укладывается в наши привычные схемы марксистского анализа, что вывести основную линию развития требует новой научной работы, которая во многом дополнила бы и, может быть, изменила бы экономическую концепцию Маркса» (Цит. по: Гетцлер И. Мартов: Политическая биография российского социал-демократа. 2-е доп. изд. СПб., 1998. С. 289).

²² РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 123.

²³ Там же. Л. 126.

²⁴ Там же. Л. 128.

²⁵ Там же. Л. 154.

²⁶ Там же. Л. 156, 157.

²⁷ 30 марта 1917 г. Мартов писал Кристи, что Стеклов «всплыл на поверхность благодаря протодьяконовскому голосу». 9 октября он сообщал, что многие перебегают к большевикам и только «один Нахамкис все еще не решается, ходит около нас со вздохами, но остается одиночкой и к большевикам не уходит». Мартов рассказывал, как в сатирическом журнале появилась карикатура: на одной странице величественный Николай, у ног его падает жалкий Нахамкис. Подпись: «Ваше Величество, припадая к стопам, прошу о переименовании в Стеклова». На другой странице: величественный Стеклов, у ног его Николай. «Товарищ Стеклов, прошу о переименовании в Романкса». «Вообще инцидент с прошением о перемене фамилии стоил бедному Стеклову много крови и содействовал тому, что он стал крайне непопулярен и ненавистен обывательским массам», — заключал Мартов (РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 123, 162). Стеклов (Нахамкис) Ю.М. (1873–1941) — в социал-демократическом движении с 1890-х годов, в 1917 г. социал-демократ (интернационалист), член исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов, редактор «Известий» этого Совета. Подробнее о деятельности Стеклова в 1917 г. см.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993.

²⁸ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 182.

²⁹ Ю.О. Мартов. Письма. 1916–1922. С. 14–26; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 336–346, 528–531, 583–585.

³⁰ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 346.

³¹ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. С. 39, 134; см. также: Казарова Н.А. Политические взгляды и деятельность Ю.О. Мартова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 20.

Письма и документы по разным причинам пропадали и у других меньшевиков. Б.И. Николаевский в октябре 1928 г. просил Д.Б. Рязанова помочь ему вернуть различные рукописи и материалы, изъятые у него при аресте в феврале 1921 г. Он также предлагал их передать из ГПУ в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. С. 226).

³² Письмо Аксельрода С.Д. Щупаку 14 июля 1920 г. // НИА. Boris Nicolaevsky Collection. Box 660. Folder 1. Ser. 279.

³³ Там же. Box 658. Folder 6. Ser. 279.

³⁴ ИШН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. Папка 42а. В 1917–1920 гг. Виляцер был членом Президиума Донского комитета РСДРП в Ростове-на-Дону. В 1921 г. он нелегально поки-

нул советскую Россию и обосновался в Нью-Йорке, где работал в русском отделе американской социалистической партии. Виляцер продолжал переписку с Аксельродом. 14 июля 1921 г. в письме он вспоминал о пребывании в Ростове красных и белых: ««демократичность» белых диктаторов почти ничем не отличалась от «демократичности» их антиподов. Легальное существование нашей партии... было столь же невозможно при Краснове и Деникине, как и при ленинских головорезах». И продолжал: «Большинство нашей организации... расценивало победу большевизма в русской революции, как победу ее дезорганизаторских тенденций над силами творческими, и день 25 октября 1917 г. мы считали днем крушения многообещающих надежд Февральской революции». Он полагал, что меньшевики Ростова были единственной демократической оппозицией при всех режимах. 20 октября 1921 г. Виляцер сообщал Аксельроду, что различает его и Мартова отношение к большевикам: Аксельрод — за свержение большевистского режима, а Мартов — за исправление. Он, Виляцер, на стороне Аксельрода (Там же).

³⁵ ИШН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. Папка 10.

³⁶ Керенский вспоминал: «Самое замечательное событие произошло после бурных дебатов между выступавшим от социалистических партий Церетели и представителем крупного промышленного и финансового капитала Бубликовым. Неожиданно оба они двинулись навстречу друг другу и после сердечного рукопожатия высказались за классовое перемирие во имя интересов России» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 228). Суханов писал, что Бубликов, сойдя с трибуны, подошел к Церетели и всенародно протянул ему руку. «Церетели встал и ответил ему тем же. Весь зал внезапно умилился и задрожал от рукоплесканий» (Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 66). Г.В. Плеханов рассказывал Н.В. Валентинову, что на Государственном совещании видел эффектную сцену: «выразитель торгово-промышленных кругов Бубликов под гром аплодисментов пожимал руку Церетели — выразителю взглядов меньшевиков. С Бубликовым я после этого говорил — он ясно отдавал себе отчет в смысле и значении этой политической сцены. Но понимал ли ее Церетели — в том я имею основания сомневаться» (Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 186).

³⁷ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 413.

³⁸ Подробнее об этом см.: Катков Г.М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С. 46–47, 203; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 210–213.

³⁹ НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 658. Folder 6. Ser. 279.

⁴⁰ ИШН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. Папка 10.

⁴¹ Социалистический вестник. 1922. № 19. С. 3–8.

⁴² Подробнее об этом см.: Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. М., 1997. С. 133–138; Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. М., 1998. С. 634–640.

⁴³ Корников А.А. Источниковедческие аспекты изучения биографий деятелей меньшевистской партии // Меньшевики и меньшевизм. М., 1998. С. 139–142; Он же. Меньшевистская мемуарная литература как источник о Великой российской революции // Ивановский государственный университет: 20 лет. Юбилейный сборник научных статей. Иваново, 1993. Ч. 1.

⁴⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991–1992. Т. 1–3.

⁴⁵ Корников А.А. Н.Н. Суханов и его «Записки о революции» // Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. С. 32–33; Он же. Судьба российского революционера. С. 147–149.

⁴⁶ Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 133; Корников А.А. Судьба российского революционера. С. 150–151.

⁴⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. С. 343.

⁴⁸ Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 483, 519.

⁴⁹ Меньшевики в советской России: Сб. документов. Казань, 1998. С. 40–48. Письмо было написано И.М. Майский 7 ноября 1918 г.

⁵⁰ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923; Он же. Воспоминания советского посла. М., 1964. Кн. 1–2.

⁵¹ Красная новь. 1923. Кн. 3. С. 199; Мартов Л. Воспоминания ренегата // Социалистический вестник. 1922. № 23–24. С. 15–16. Возможно, на раздраженный тон рецензии Мартова повлияло и письмо его московского корреспондента, который передал ему, что Майский в Сибири рекламирует коммунистов и что его вхождение в самарское правительство было сделано якобы с согласия ЦК РСДРП, что Мартов будто бы говорил ему: «формально мы, конечно, против вооруженной борьбы с большевиками, но если бы такая воз-

можность представилась, то мы не возражали бы” и т.п. Далее следовала приписка: “Принимая во внимание, что Майский в то же время усиленно подчеркивает свою исключительную ненависть к Вам... я считаю необходимым Вас поставить в известность об этом” (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 623. Folder 26. Ser. 267). Во введении к “Воспоминаниям советского посла” Майский ответил кратко: “Я понял, что в эпоху революции не может быть средних позиций, что надо выбирать между большевиками и лагерем самой черной реакции. Для меня выбор был ясен... в феврале 1921 г. Сиббюро ЦК (я находился тогда в Сибири) приняло меня в ряды РКП(б)” (*Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Кн. 1. С. 15–16). К.И. Чуковский в дневнике 10 января 1925 г. записал о Майском: “Он бывший меньшевик и, как всякий бывший меньшевик, страшно хлопочет перебольшевичить большевиков” (*Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 302).

⁵² *Меньшевики в советской России.* С. 159.

⁵³ См.: *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1–3.

⁵⁴ Ерманский, выступая 3 декабря 1917 г. на Чрезвычайном съезде РСДРП(б), говорил, обращаясь к противникам единства партии: “Нас связывает с вами только отрицание большевизма. Если бы не это, мы давно не были бы с вами” (*Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 2. С. 440).

⁵⁵ *Ерманский О.А.* Из пережитого. С. 151–152.

⁵⁶ Там же. С. 142.

⁵⁷ *Денике Ю.* Меньшевики в 1917 году // *Меньшевики.* Сост. Ю.Г. Фельштинский. Benson. 1988. С. 34.

⁵⁸ *Миллер В.И.* Осторожно: История! М., 1997. С. 85.

⁵⁹ А.Г. Шляпников (1885–1937) – большевик и член первого состава Исполкома Петроградского Совета в 1917 г. вспоминал, сколь сумбурно происходили тогда выборы его членов (*Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 128–134).

⁶⁰ *Струмилин С.Г.* Из пережитого. 1897–1917. М., 1957. С. 283.

⁶¹ См.: *Струмилин-Петрашкевич (Струмилин) С.Г.* Из записок рабочего // *Заря (Берлин).* 1922. № 3, 4, 5, 6.

⁶² *Аксельрод П.Б.* Кто изменил социализму: (Большевизм и социальная демократия в России). Нью-Йорк, 1919. С. 30.

⁶³ ИСН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. Папка 79. Его воспоминаний ждали. 1 марта 1922 г. Б.И. Николаевский писал Аксельроду, что вспоминает петроградские (1917 г.) встречи с ним, что он, как и многие другие, надеется прочесть его мемуары, так как “Вы стали для нас чем-то большим и более близким, чем кто-либо из вождей – теоретиков партии... Особенно остро эту близость ощущаешь теперь, после шести лет революции, принесшей нашей социал-демократической семье значительно больше потерь, чем самые тяжелые удары предшествовавшего десятилетия” (Там же. Папка 34).

⁶⁴ *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 198–199.

⁶⁵ *Плеханов Г.В.* Год на родине. Paris, 1921. Т. 1–2; *Плеханова Р.М.* Последние дни Г.В. Плеханова // *Заря (Берлин).* 1924. № 5–6. С. 135–139; *Валентинов Н.В.* Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 182–196; *Записные книжки Л.Г. Дейча // Вопросы истории.* 1996. № 3. С. 3–30; *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997.

⁶⁶ Переписка Б.И. Николаевского, Ф.И. и Л.О. Дан с Р.М. Плехановой в начале 20-х годов свидетельствует о том, как они противостояли ее настояниям убрать не нравившийся ей текст из письма Мартова о Плеханове или отдельные факты из жизни последнего. 22 марта 1924 г. Николаевский писал Плехановой, что ему непонятен ее запрет на публикацию писем, найденных им в архиве. “Ведь тогда теряется сам смысл поиска”. Он был несогласен с ней и по поводу изъятия отдельных мест из публикуемых писем Мартова или сокращения комментария в той части, где говорилось, что на II съезде РСДРП Плеханов поддержал Ленина (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 82. Folder 17. Ser. 41). Ф.И. и Л.О. Дан 3 февраля 1924 г. в письме Плехановой возражали против сокращения письма Мартова, где он говорил “о гнусностях Плеханова”, иначе теряется, по их мнению, “человечье обличье” полемики (Архив Дома Плеханова в СПб. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 157. Л. 3). Подобранных документов сохранилось достаточное число.

О смерти Плеханова написано много. Глава питерских большевиков Г.Е. Зиновьев объяснял, почему он не пошел на похороны, а поэт и писатель З.Н. Гиппиус написала лаконично о смерти Плеханова: “Его убила Россия, его убила та, кому он, по мере своего разумения, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть: 1) честным, 2) культуру-

ным, 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть европейцем. Задуют. При царе еще туда-сюда, но теперь, при Ленине – конец” (*Зиновьев Г. Г.В.* Плеханов: (Вместо речи на могиле). Пг., 1918; *Гиппиус З.* Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С. 194). На похоронах Плеханова выступил А.Н. Потресов, сказавший с горечью: “Плеханов был нашей национальной гордостью, но он же стал нашей величайшей национальной жертвой” (Цит. по: *Шуб Д. Г.В.* Плеханов в 1917 г. // *Русская мысль.* 1958. 5 июня).

⁶⁷ 23 мая 1927 г. Потресов заключил договор с Госиздатом о сдаче в печать в течение 1927 г. двух томов воспоминаний (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 57. Folder 4. Ser. 19). Можно лишь предположить, о чем бы он в них написал. В предисловии к посмертному сборнику произведений Потресова издатели отмечали его убеждение в том, что возрождение России возможно лишь в борьбе с режимом произвола и насилия “во всех его видах и масках” (*Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 5). Потресов мечтал дожить “до того дня, когда падет, наконец, наше новое российское самодержавие. Вероятно, и тогда будет не очень сладко жить, но по крайней мере будет снято позорное клеймо с социализма” (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 661. Folder 4. Ser. 279. Из письма Потресова Аксельроду 20 августа 1925 г.).

⁶⁸ ИСН. П.Б. Аксельрод. Коллекция. Папка 10; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963. Т. 1–2; *Он же.* Кризис власти. М., 1992.

⁶⁹ Н.В. Валентинов вспоминал, что к Церетели весьма негативно относился Плеханов. “Если из молодых общественных деятелей, – говорил он, – выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам – за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения – я десять Церетели отдам. Понимания того, что нужно делать, у него нет” (*Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. С. 186). Современная историография более положительно рассматривает роль Церетели в революционных событиях 1917 г. в России, называя его архитектором концепции “единства всех живых сил страны”, имея в виду сотрудничество “объединенного фронта демократии” с “буржуазией, примкнувшей к революции” (*Галли З.* Ираклий Церетели в русской революции // *Крайности истории и крайности источников.* М., 1997. С. 53–54).

⁷⁰ *Церетели И.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 414.

⁷¹ См.: *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922; *Дан Ф.* Два года скитаний (1919–1921). Берлин, 1922; *Abramovitch R.* The soviet revolution. 1917–1939. L., 1962; *Двинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). Stanford, 1968; *Аронсон Г.* Россия накануне революции. Madrid, 1986; и др.

⁷² *Жордания Н.* Моя жизнь. Stanford, 1968; *Денике Ю.* Меньшевики в 1917 году // *Меньшевики.* Benson, 1988; *Войтинский В.* 1917: Год побед и поражений. Benson, 1990.

⁷³ *Жордания Н.* Указ. соч. С. 73, 77–78.

⁷⁴ Меньшевики. С. 47–48. Видимо, при издании текст Денике был отредактирован. В архиве Гугеровского института сохранился вариант этих воспоминаний, написанный более живо. Так, он иронически отмечал, что после Февральской революции “все кого-то выбрали”. И рассказал о курьезном случае в Казани, когда служащие сумасшедшего дома сместили всех докторов и стали выбирать “врачей” из своей среды (НИА. В. Nicolaevsky Collection. Box 672. Folder 12. Ser. 279; см. также: *Николаевский Б. Ю.П.* Денике (1887–1964): Опыт политической биографии // *Социалистический вестник,* 1965. № 3. С. 12–25).

⁷⁵ *Войтинский В.С.* Указ. соч. С. 267, 282.

⁷⁶ Меньшевики. С. 86–139.